

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ориентироваться в отдельных дисциплинах, не теряя их общей связи. В двух томах он доведен уже до XIV в., т. е. захватывает основной творческий период арабской культуры. Но, кроме этого, теперь почти в каждой области появились специалисты, объединяющие филологическую подготовку арабиста с полным владением соответствующей дисциплиной. Благодаря их трудам, опубликовано немало безупречных изданий, переводов и авторитетных монографий почти во всех областях точных естественных дисциплин за арабский период. Теперь уже не таким отдаленным представляется то время, когда можно будет думать о серьезной истории отдельных наук у арабов.

Среди специалистов в этих областях одно из первых мест по праву занимает доктор Мах Meyerhof, окулист в Каире. Ему принадлежит громадная серия работ по различным отраслям точных и естественных наук у арабов, начиная от детальных и кропотливых монографий, изданий и переводов и кончая широкими обобщающими исследованиями, без которых теперь не может обойтись ни один серьезный историк арабской культуры. (Для примера ограничусь только упоминанием его образцовой работы *Von Alexandrien nach Bagdad*, Berlin, 1930.)

Являясь крупным специалистом в различных областях, др. М. Meyerhof в настоящее время, несомненно, первый специалист по истории медицины у арабов и, в частности, офтальмологии. Им одним в этой области сделано больше, чем предшествующими поколениями ученых, и пути, намеченные J. Hirschberg'ом, теперь значительно углублены, обоснованы, а во многом проложены совершенно заново. Большим преимуществом М. Meyerhof'a, сравнительно с его главным предшественником, является полное, самостоятельное владение арабским мате-

риалом и широкий интерес ко всем сторонам арабской культуры. Благодаря этому его работы, даже специальные, всегда представляют интерес не только для историка медицины или офтальмологии, но и для арабиста-филолога или историка арабской культуры.

Таково же значение и новой, выпущенной в декабре 1933 г. книги М. Meyerhof'a, которая переносит нас в сферу испанско-арабской офтальмологии. Как и другие области арабской культуры в Испании, медицина, и в частности офтальмология, стояла в зависимости от успехов этих наук на востоке халифата — в Месопотамии, Персии и Египте. Расцвет ее здесь падает на X—XI вв.; первый трактат по офтальмологии, который принадлежит Испании, упоминается около 1074 г. н. э. и связан с именем Ибн Вафиды, который в средневековой Европе по латинским переводам известен как Abenguefit. Его трактат до нас не дошел; два других, анонимных, не представляют особого интереса; третий, которому посвящена настоящая работа, принадлежит Мухаммеду ал-Гафици, автору, вероятно, XII в., о котором не сохранилось никаких биографических сведений, кроме скудных упоминаний в его собственном произведении, связывающих его с Кордовой.

Его громадный свод (292 листа = 583 страницы) сохранился в единственном до сих пор известном экземпляре в Эскуриале. Несмотря на свое специальное заглавие, он посвящен не только офтальмологии: автор хотел дать пособие со всеми общими и специальными сведениями, необходимыми для окулиста. В связи с этим из 6 частей, на которые разделено произведение, только последняя посвящена специальным вопросам. В общем, она, по словам

М. Meyerhof'a, представляет сумму офтальмологических сведений у мусульман, пользовавшихся арабским языком, с X по XII в. и дает возможность судить об их точке зрения как в отношении теории, так и практики. В связи с этим, переводчик ограничил свою задачу переводом лишь тех частей, которые представляют интерес и значение в указанном смысле. Полностью им переведено предисловие автора, первые две главы первого трактата (стр. 13—20), а затем из шестого специального трактата, посвященного глазным болезням, отделы 1—73 (стр. 21—156). Отделы 74—95, которые представляют извлечение из труда 'Али ибн 'Абисы, багдадского окулиста (около 1000 г.), уже переведенного на немецкий язык, сообщены им только в заголовках (стр. 157—158).

Перевод систематически снабжен примечаниями, обосновывающими принятый перевод, особенно в отношении терминологии, и привлекающими параллели из других авторов как арабских, так и греческих. Большой интерес представляет воспроизведение всех изображенных в рукописи инструментов окулиста (в 14 рисунках, перечень которых дан на стр. 221); они являются интересной параллелью к тем изображениям, которые воспроизвел на основании одного трактата XIII в. J. Hirschberg (*Die arabischen Lehrbücher der Augenheilkunde*, Berlin, 1905, стр. 81). Кроме небольшого введения (стр. 5—9), основные данные из которого мною сообщены выше, автор сопроводил свою работу специальным исследованием о глазных лекарствах на востоке в древности и в средние века (стр. 159—165). Начиная с эпох древнего Египта, им разобран ряд рецептов и лекарств как на основании письменных данных, так и археологических материалов. Изучение араб-

ских источников и здесь приводит его к выводу, что «в течение всех средних веков европейские медики не создали ни одного трактата по офтальмологии, равного арабским. Только в начале XVIII в. мы замечаем прогресс, начинающий опережать арабские произведения» (стр. 165). В книге (стр. 8—9) дано роскошное факсимиле с двух страниц рукописи, воспроизведенных в натуральную величину, с сохранением цвета и общего вида оригинала. Хотя переводчик говорит, что рукопись написана «en caractères . . . parfaitement lisibles» (стр. 7), но это факсимиле ясно говорит, какой труд ему пришлось потратить при установлении текста: рукопись в нижних частях страниц сильно повреждена пожаром, а переписчик, кроме того, не всегда понимал специальный текст, который он переписывал.

Работа М. Meyerhof'a и на этот раз дает значительно больше, чем обещает ее скромное заглавие. Особенное значение она приобретает не только для медика, но и для арабиста вообще благодаря многочисленным и тщательно составленным индексам и глоссариям, которые важны не только для данного произведения, но и для самых разнообразных, связанных с сопредельными областями вопросов. Первый глоссарий (стр. 167—175) посвящен техническим медицинским терминам, которые он дает в арабской транскрипции, в латинской передаче, указывающей произношением, и во французском переводе. Если обратить внимание, что число этих терминов доходит в глоссарии до 240, то понятно, что переводчиком дан, в сущности, специальный словарь, полезный при работе над всякими сопредельными сюжетами. То же надо сказать и о втором глоссарии (стр. 175—193), который дает названия лекарств, кушаний, мер и весов; он

включает около 450 терминов. При таком объеме обоих глоссариев ясно, что работа приобретает немаловажное лексикологическое значение. С такой же тщательностью составлен и алфавитный предметный индекс (стр. 195—220), в которой тоже включены арабские термины.

Говоря о достоинствах новой работы М. Meyerhoff'a, нельзя пройти молча и внешний ее вид. Издание было задумано, как подношение XIV Международному конгрессу по офтальмологии и осуществлено Laboratories du Nord de l'Espagne директором их J. Cusi. Оно выполнено со всей роскошью полиграфического искусства, на великолепной хорошей бумаге, хорошими шрифтами, в обложке из натурального пергамента со стильным тиснением арабского заглавия золотом. Издателям делает большую честь и организация такой серьезной научной работы и осуществление ее в такой достойной и в то же время изящной форме.

Л. 27 мая 1934 г.

И. Крачковский.

Mittwoch E. Die angeblichen abessinischen Philosophen des 17. Jahrhunderts. (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Band XXXVI, Berlin, 1933, Westasiatische Studien, 1—18).

Эта маленькая статья известного абиссиноведа, бывшего директора берлинского Семинара восточных языков, недавно вынужденного оставить свой пост, представляет очень большой и совершенно специфический интерес для нашей науки: она, можно сказать, завершает цикл работ, начатых в 1903 г. нашим абиссиноведом Б. А. Тураевым и группирующихся около двух произведений на эфиопском языке. Излагать подробно историю этих работ в данный

момент нет необходимости: это было сделано мною десять лет тому назад в статье «Зара Якоб или Джусто да Урбино» (ИАН, 1924, 195—206). Сущность истории сводится к следующему.

В Парижской Национальной библиотеке, в коллекции эфиопских рукописей d'Abbadie, сохранилось две рукописи, содержащие своеобразные «исповеди», приписываемые двум абиссинским мыслителям XVII в. — Зара Якобу и его ученику Вальда Хейвату. Впервые с ними познакомил читателей Б. А. Тураев в популярной статье 1903 г. и издании текста с переводом в 1904 г. Другое издание текста с латинским переводом было дано в том же году известным семитологом Е. Littmann'ом. Произведения вызвали большой интерес не только в специальных, но и более широких кругах; появился ряд популярных статей, и «абиссинские философы» получили почетное место во всех выходивших с тех пор историях эфиопской литературы. Необычность произведений для среды, которой они приписывались, отмечалась многими, но наличие рукописей, хотя и поздних, оставалось неоспоримым фактом, который нельзя было отрицать.

В 1916 г. известным итальянским абиссиноведом Conti Rossini были опубликованы записки одного абиссинского священника половины XIX в., в которых, между прочим, повторялся слух, что произведение было сочинено одним долго жившим в Абиссинии католическим священником Giusto da Urbino и только приписано им абиссинцу. В связи с этим Conti Rossini в 1920 г. подверг вопрос новому рассмотрению и пришел к выводу о справедливости этого слуха. Моя статья 1924 г. была вызвана упомянутыми публикациями Conti Rossini. Не отрицая в ней доказательной силы некоторых соображений, я обращал внимание на то,